

Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы

Юлия Градскова

В центре внимания данной статьи находятся практики родительства и ухода за маленькими детьми, представленные в публикациях первых послереволюционных десятилетий. В советском контексте этого периода такие практики были известны в основном как практики материнства. Так как в целом политики Советского государства в отношении семьи и материнства исследованы достаточно широко [Waters, 1992; Goldman, 1993; Ransel, 2000; Issourova, 2000; Kelly, 2001. P. 280–282; Черняева, 2004], целью данной работы является привлечение внимания к некоторым аспектам указанной темы, которые еще не получили достаточного освещения.

Большинство исследователей данной проблемы сходятся во мнении, что большевистская политика охраны материнства и детства была связана как с утопическими идеями о преобразовании семьи и частной собственности, так и с необходимостью принятия мер против высокой материнской и детской смертности, существовавшей в России накануне революции 1917 года¹. Кроме того, «крест материн-

¹ Уровень детской смертности в России начала XX века был относительно высоким: по разным подсчетам от 17 % до 30 % детей умирали в течение первого года жизни. [Рэнсел, 2003. С. 4–75]. В качестве основных причин высокой смертности назывались такие, как недостаток профессиональных акушерок, бедность, негигиенические условия жизни большинства населения, раннее возвращение матери к работе после родов, частые роды, а также – отсталые практики ухода за ребенком [Ransel, 2000. С. 37–38; Щепкина, 1908. С. 233–238].

ства», по определению Александры Коллонтай, являлся одним из препятствий на пути женской эмансипации [Коллонтай, 1921]. Однако современные исследователи советизации материнства неоднократно указывали на многочисленные социальные проблемы, к которым привели советские политики в отношении семьи и детей – достаточно назвать рост беспризорности в 1920-е годы [Goldman, 1993] или рост материнской смертности в период запрета на аборт 1936–1955 [Жиромская, 2001]. Кроме того, по мнению Натальи Черняевой, которая изучала пособия по уходу за детьми в раннее советское время, «идеология и политика женской эмансипации потерпела наиболее серьезное поражение именно в той ее части, которая касалась материнства и материнских обязанностей» [Черняева, 2004. С. 122].

Поэтому представляется важным новое обращение к текстам, утверждающим и разъясняющим советские политики материнства в первые послереволюционные десятилетия – законодательным актам, журнальным обзорам, посвященным «преобразованию быта» и советам для родителей. Особое внимание при этом уделяется анализу аргументации, используемой для обоснования необходимости тех или иных изменений в существующих практиках материнства. Кроме того, моей задачей стал анализ представлений о нормативности «женского» и «мужского» на основе изучения публикаций для родителей и воспитателей.

От «креста материнства» к «счастливой советской матери»

Преобразование практик материнства в 1920-е годы происходило в рамках дискурсивного порядка¹, который может быть определен как советизация. Этот порядок поддерживался в первую очередь через дискурсы гигиены, культурности и государственной заботы о материнстве², и характеризовался высокой степенью одновременного артикулирования нескольких из них. Далее я коротко остановлюсь на основных особенностях этих дискурсов.

Забота о матерях и детях

Широко декларируемая большевистским правительством политика по охране материнства и детства, конечно, не может считаться

¹ Я понимаю дискурс как правила и практики, производящие осмысленные утверждения, а дискурсивный порядок как взаимоположение различных дискурсов по отношению друг к другу [Hall, 1997. P. 44; Phillips and Jorgensen, 2002. P. 71–73].

² О дискурсе заботы или дискурсе социального материнства смотри также [Градскова, 2005].

советским изобретением. Напротив, многие страны Европы еще в конце XIX – начале XX века начали предпринимать различные меры для снижения материнской и детской смертности и увеличения рождаемости. Так, например, во Франции, появились специальные центры, куда беременные женщины и матери новорожденных могли обращаться за помощью и консультацией, в Швеции были предприняты меры для улучшения профессиональной подготовки акушерок. В Германии в 1878 году был введен трехнедельный неоплачиваемый послеродовой отпуск.

Особенно активную роль в требованиях защиты материнства в Европе играли активистки женского движения, многие из которых оказали также влияние на становление профессиональной социальной работы [Градскова, 2005]. Алиса Саломон в Германии, например, указывала, что именно материнство способствует высокому уровню бедности среди женщин. Именно поэтому, общество должно было принять специальные меры для защиты матерей [Kuhlman, 2003. P. 101]. Представительницы одной из женских организаций в Германии, Немецкой лиги женских ассоциаций, утверждали, что материнские функции женщин настолько важны для развития общества, что социальная роль женщин должна быть существенно переоценена [Sachsse, 1993. P. 142].

В своей фундаментальной работе «Общество и материнство», опубликованной в 1916 году, одна из будущих авторов программы по охране материнства и детства в Советской России, Александра Коллонтай, писала о необходимости для России брать пример с более развитых капиталистических стран Европы в деле защиты семьи. Коллонтай настаивала, что охрана материнства и младенчества является задачей социальной политики [Коллонтай, 1916. С. 7], тут же, впрочем, подчеркивая, что о подлинной защите семьи возможно говорить лишь после того, как буржуазная семья будет разрушена и заменена новой [Коллонтай, 1916. С. 5–7, 17–20]. Коллонтай утверждала необходимость заботы общества о страховании материнства, а «передача в руки социального коллектива попечения о потомстве» рассматривалась ею как одна из мер, ведущих к освобождению личности женщины [Коллонтай, 1916. С. 17]. При этом общественная забота о материнстве в понимании Коллонтай не отличалась от заботы революционного государства [Коллонтай, 1916. С. 20].

После прихода большевистского правительства к власти, меры по защите материнства, как известно, были приняты одними из первых [Waters, 1992. P. 132–133; Ransel, 2000; Isourova 2000]. Они включали в себя введение восьминедельного оплачиваемого отпуска

до родов и такого же периода после родов (это был самый продолжительный оплачиваемый отпуск в мире в тот период времени), а также – организацию в 1918 году специального отдела по охране материнства и младенчества (ОММ или Охрана матмлада), первым руководителем которого стала Александра Коллонтай. Еще одним элементом новой социальной политики стала отмена разделения детей на тех, кто был рожден в браке и вне брака, а также – утверждение права ребенка на алименты в случае развода родителей (если брак был не зарегистрирован, отцовство могло быть установлено судом)¹.

Новые институты по охране матерей и детей были широко представлены в новой революционной печати и преподносились как исключительное завоевание пролетарской революции [Лебедева, 1926]. Например, журнал «Делегатка» в 1923 включил в список таких институтов ясли, консультации для женщин, дома младенца (для детей сирот), дома матери и ребенка (учреждения, где будущая мать могла провести два месяца до рождения ребенка и два месяца после родов в гигиенических условиях) и роддома [Дулицкий, 1923. С. 27–28].

Именно создание таких учреждений общественной заботы о материнстве и рассматривалось дискурсом заботы о матерях и детях в качестве решающих для коммунистического преобразования России. Поэтому, в следующий период развития советского общества, чаще всего определяемого историками как периода «отступления» или «второй революции», именно эти учреждения были использованы в качестве «обоснования» и оправдания репрессивной гендерной политики [Engel, 2004. P. 166]. Речь идет в первую очередь об отмене права женщины на аборт² (1936 год) и сокращении до и послеродового отпуска (декретного) с 16–12 недель (112–84 дней в зависимости от характера работы) до 63 дней в 1938 году. Интересно, что даже заголовок закона об отмене абортотв соответствует дискурсу «заботы» – «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и дет-

¹ О многочисленных проблемах связанных с процессом определения отцовства см. Н. Семашко [Семашко, 1927], о последствиях облегчения процедуры развода по Кодексу о семье и браке 1926 года по сравнению с декретом 1917-го года см. Н. Лебину [Лебина, 2006. С. 300–302].

² История абортной политики находилась в центре внимания многих, как российских, так и зарубежных историков [см., например, Goldman, 1993. P. 331–336; Hoffman, 2000; Лебина, 2006. С. 30–34, 71–74], поэтому в данной статье я не ставлю задачу исследования изменений отношения к аборту, а лишь указываю на присутствие дискурса «заботы» в антиабортном законодательстве.

ских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах». Как можно заметить, «помощь» встречается в названии этого документа столько же раз, сколько и «аборт». Цифры, приведенные в тексте закона еще более впечатляющие¹ – в 1936 году в СССР должны были быть открыты 130 молочных кухонь, количество мест в яслях к началу 1939 года должно было возрасти вдвое (с 400 000 до 800 000 в городах, кроме того, 500 000 мест должно было быть обеспечено в постоянных колхозных яслях), число мест в городских детских садах должно было достигнуть 2 000 000², 11 000 новых коек в городских роддомах должны были быть обеспечены к началу 1939-го года. Совершенно определено известно, что эти показатели никогда не были достигнуты³, однако важно отметить, что в данном случае они были включены непосредственно в текст закона (не в перспективные планы, как, например, в 1970-е годы, или в какие-либо другие рабочие документы), то есть являлись нормой, обязательной для выполнения. Именно эти цифры должны были оправдать введение закона, который унесет жизни нескольких десятков тысяч женщин [Жиромская, 2001. С. 30–31].

Гигиена

В начале XX века ученые пришли к выводу, что благосостояние общества в значительной степени зависит от уровня здоровья его членов [Энгельштейн, 1996. С. 206–207; Folguera, 1987. P. 137–139]. Особенно важными представлялись знания о связи образа жизни человека и его здоровья, а также о гигиене и роли наследственности – евгеники [Kjaer, 2006; Bernstein, 1998]. Гигиена включала в себя не только теории поддержания чистоты в быту, но и социальную гигиену – разработку способов преодоления болезней, распространение которых в значительной степени обуславливалось социальными причинами – например, бедностью (к таким болезням относились туберкулез, сифилис). В свою очередь евгеника изучала связи между здоровьем родителей и детей и призвана была выра-

¹ Данные приводятся по английскому переводу постановления от 27 июня 1936 года [Schlesinger, 1949. P. 269–279].

² Довольно мало, если учитывать размер территории и населения СССР в то время.

³ В соответствии с засекреченной статистикой 1943 года, 1 039 100 детей (в городе и на селе) посещали детские сады в 1939 году [Советская... 2003. С. 272]. По данным 1967 года, в СССР в 1940-м году было 14 700 родильных коек (в городе и на селе, это количество включает койки, существовавшие до 1936 года) [СССР... 1968. С. 148].

ботать меры для охраны здоровья будущих родителей¹. Подобные идеи, в частности, повлияли на публикации известного адвоката женских прав, врача, Марии Покровской [Покровская, 1914. С. 386–389], которая требовала ограничения деторождения и социальной помощи матерям с грудными детьми.

Гигиенический дискурс в Европе утверждал необходимость модернизации медицинской практики – создания профилактической медицины, которая бы сдерживала и контролировала (*surveillance*) развитие заболевания в большей степени, чем занималась его лечением [Armstrong, 1995. P. 394–404]. Особенно важным представлялось также достижение благополучной для здоровья обстановки, что в отношении материнства означало заботу о здоровье матери и контроль за благополучным течением беременности для того, чтобы гарантировать ее наиболее благоприятный исход. Гигиенический дискурс также предполагал медицинскую помощь роженице и контроль за здоровьем новорожденного. Со своей стороны, евгеника предполагала уделение особого внимания здоровью вступающих в брак и призвала ограничить рождение детей родителями, больными венерическими заболеваниями (до их излечения), а также устанавливать перерывы в несколько лет между родами для того, чтобы организм матери имел возможность полностью восстановиться.

После революции 1917 года принципы гигиены стали частью государственной политики в области медицины, в том числе и в том, что касалось охраны материнства и младенчества. Например, в статье, опубликованной доктором Рахмановым в журнале «Охрана материнства и младенчества» в 1926 году, можно прочитать о том, что деторождение представляет собой комплексную проблему и требует специальной государственной политики. В качестве примера Рахманов приводит опыт контроля за здоровьем беременных женщин во Франции (консультации для беременных женщин) и практик посещения врача до родов, распространенных в России среди городских образованных слоев населения в дореволюционный период. И в первом и во втором случае, посещение врача не рассматривалось как исключительно вопрос медицинского контроля, а предполагало, что врач должен играть роль друга и советчика, способного объяснить физиологию сексуальной жизни, беременности и родов, а также дать необходимые советы в отношении ухода за ребенком и гигиены [Рахманов, 1926. С.2]. Другая статья, опубликованная тем же автором, дает основания предполагать, что в середине 1920-х годов жен-

¹ В качестве теории, оправдывшей расистскую политику нацизма в целом и холокост в частности, евгеника получила свое дальнейшее развитие в нацистской Германии уже в 1930-е годы, в то время как в Советском Союзе сторонники евгеники и генетики подверглись репрессиям в начале 1930-х годов.

ские консультации рассматривались в качестве учреждения, где женщины могли получить советы в отношении способов предупреждения беременности.

В частности, в статье Рахманова упоминаются презервативы, женские колпачки, а также – различные мази [Рахманов, 1926. С. 3–7]. Очевидно, что медиализация материнства предполагала распространение евгенических идей, включая, например, публикации, посвященные возможности введения специальных свидетельств здоровья для вступающих в брак и использования стерилизации для ограничения количества детей в семье [Иванова-Микулина, 1927. С. 8].

В то же время вплоть до середины 1930-х годов кампания за «гигиеническое материнство» носила в значительной степени пропагандистский характер, так как ее реализация ограничивалась в основном Москвой, Ленинградом и несколькими крупными региональными центрами. Даже официальная статистика показывает, что открытие консультаций и роддомов до середины 1930-х годов происходило очень медленно [Новикова, 1981].

Культурность

Недостаток гигиены напрямую связывался с недостатком культуры и находился в центре внимания земских врачей еще в начале XX века. В представлении большевиков «культурность» стала одним из ключевых понятий модернизации – начиная с производства и кончая бытом [Fitzpatrick, 1999. P. 79–83]. Говоря словами Светланы Бойм, советская культурность означала «перевод идеологии на повседневный уровень» [Boym, 1994. P. 105].

В том, что касается материнства, отсталость и косность быта представлялись большевикам важной причиной как для низкой вовлеченности женщин в общественное производство, так и для высокой материнской и детской смертности. Поэтому предполагалось, что повышение общей культуры в результате посещения лекций, участия в курсах ликвидации неграмотности, клубной деятельности и делегатских собраниях должны были приобщить женщин к новой советской ментальности и, как одно из следствий этого, изменить практики ухода за детьми.

В то же время «новые» практики и интерпретации материнства, как мы уже видели выше на примере статьи доктора Рахманова, нередко ориентировались на образцы практик капиталистических (западных) стан или обеспеченных городских слоев дореволюционной России. Интересно отметить, что американская исследовательница Чой Чаттерье пришла даже к выводу, что те «современные» (modern) понятия о воспитании детей, которые советская пропаган-

да стремилась воспитать у женщин, могут быть описаны в терминах «буржуазные» [Chatterjee, 2001. P. 59]. На плакате из «Книги матери», кормящая грудью женщина изображена не в соответствии с канонами изображения работниц или крестьянок, как на обложке, а скорее как представительница зажиточного городского сословия (см. ил. 1) [Книга матери, 1926. С. 25].

Ил. 1. На плакате из «Книги матери» кормящая грудью женщина изображена как представительница зажиточного городского сословия («Редко женщина выглядит прекраснее, чем когда около нее грудной ребенок – ее лучшее украшение» [Книга... 1926. С. 25])

Особенно критически большевики оценивали «отсталые практики материнства», распространенные в национальных районах. Так, книга «Башкирка», выпущенная (довольно значительным тиражом – 7 000 экземпляров) издательством Охраны материнства и младенчества для тех, кто должен был распространять «культуру» среди башкирского населения, указывала, что весь быт башкир являются крайне отсталым¹. Например, утверждалось, что «на женщину смотрят почти как на орудие производства – ее дело принести своему мужу и хозяину ребенка, желательного мужского пола, и потому обычай, тиранящий ее как человека, охраняет как роженицу. Но,

¹ По подсчетам Рэнсел, однако, детская смертность у российских мусульман была ниже, чем у славянского населения [Рэнсел, 2003. С. 74–77].

едва ребенок подрастет – она теряет на него права, особенно, если он мальчик» [Стина, 1928. С. 20].

Таким образом, центр (советская власть) должен был привнести цивилизацию и культуру в бывшие колонии. Схожие стратегии привнесения остальным народам прогрессивной культуры применялись западными странами и царской Россией. В свою очередь, можно предположить, что советские политики культурности были причастны к культурному колониализму [о культурном колониализме см. de los Reyos, Paulina, Irene Molina och Diana Mulinari, 2003. P. 16–21].

Краткий обзор пост революционных дискурсов материнства показывает, что советизация практик материнства развивалась в поле сложного взаимодействия нескольких дискурсов. Далее я более подробно рассматриваю взаимное влияние этих идей на представления об изменении функций медицинских работников и самих матерей и останавливаюсь на яслях и отцовстве, как отдельных случаях взаимопересечения обозначенных идей и дискурсов.

Общественная функция медицины

Распространение медицинских знаний и усиление медицинского контроля над рождением детей и уходом за ними становилась одним из важнейших задач советского государства [Михель, 2005]. Медицинские работники в новых условиях наделялись новыми функциями – они должны были выполнять общественные задачи. Так, акушерка, например, должна была стать одним из основных носителей культуры, «осью, вокруг которой завертится культурная сознательная жизнь» [Лебедева, 1926. С. 9]. Патронажная сестра, должна была не только «наблюдать за реальным проведением в жизнь советов врача», но и «уметь поставить в центр внимания наиболее нуждающихся матерей и детей» [Конюс, 1928. С. 39].

Общественной и культурно-просветительской работе медицинского персонала посвятила свою книгу врач, Эсфирь Конюс. В книге, тираж которой составил 5 000 экземпляров, она особенно подчеркнула, что, в отличии от большинства врачей капиталистических стран Западной Европы и США, разделяющих взгляд на медицину, «как на совокупность технических приемов», основной целью советской медицины является «профилактическое и социально-гигиеническое направление» [Конюс, 1928. С. 7]. Именно поэтому, общественная¹ и культурная работа является методом оздорови-

¹ В данном случае «общественная работа» включала многие элементы того, что в настоящее время обозначается понятием «социальная работа».

тельной работы, способом преодоления «некультурности матерей» и «диких и невежественных нравов в области воспитания детей» (см. ил. 2) [Конюс, 1928. С. 12].

Ил. 2. Женские консультации рассматривались советскими медиками в качестве центров распространения образцов культурности [Делегатка, 1923. № 3. С. 27]

Коллективные идеалы новой жизни, например, утверждение необходимости не «давать развиваться у матери эгоистической тенденции» соседствуют в книге с утверждением необходимости оказания помощи матери и внимания к ее индивидуальным потребностям. В частности, разлучения детей и матерей, например, в домах отдыха для матерей с детьми (матерям разрешались свидания с детьми только на два-три часа в день во время прогулки), объяснялись автором брошюры не только с точки зрения коллективных идеалов, но и как необходимость «дать ей (матери) возможность разумно отдохнуть и за короткий период отпуска действительно поправить свое здоровье». В это время ее ребенок должен был находиться на попечении «квалифицированного персонала» [Конюс, 1928. С. 18–19]. Далее автор пишет, что в таком доме отдыха с матери снимались все тяготы материнства, а оставалась его «светлая сторона» – мать сохраняла «живую и нежную связь» с ребенком [Конюс, 1928. С. 20].

Новые пространства материнства – случай яслей как агента культуры

Новые учреждения по охране материнства и младенчества должны были одновременно давать матери советы и оказывать ей практическую помощь – присматривать за детьми в то время, когда она работает, обеспечивать питание ребенка продуктами, заменяющими (в случае необходимости) недостающее молоко, заботиться о матери в то время, пока она еще слаба после родов. В то же время матери вовсе не рассматривались лишь в качестве объекта заботы – они должны были дежурить в яслях по меньшей мере один раз в месяц, по очереди убираться в доме матери и ребенка и даже кормить некоторых сирот моложе двух месяцев, которые также были помещены в такие дома [Дулицкий, 1923. С. 27–28]. Список агентов «заботы» со временем расширялся. Так в публикации Эсфирь Конюс, ясли, роддома и консультации дополнены не только рабочими общешагитиями для бездомных матерей, но и предполагает активную роль активисток делегатских собраний, комсомола, кооперативов и представителей газет, которые, со своей стороны, утверждали как новые культурные практики, так и новую роль медицинской науки в отношении материнства [Конюс, 1928. С. 18].

В соответствии с этими представлениями особая роль отводилась яслям, которые должны были не только присматривать за детьми в то время, пока мать работает, но и осуществлять обучение гигиене и общественный контроль за ней. Культурная роль яслей особенно подчеркивается в публикациях авторов-представителей педологической школы [о педологии в Советской России см. Эткинд, 1993. С. 31–342]. Так, Ася Файвусиович, например, в своей книге, вышедшей также значительным тиражом 4000 экземпляров, указывает, что воспитательницы должны давать советы матери и обращает внимание на то, что «приучение матерей к порядку» и право персонала «требовать от матери заботу о чистоте ребенка» являются важными для деятельности дошкольных учреждений [Файвусиович, 1929. С. 7–79]. В то же время, она подчеркивает, что «ясли вовсе не снимают обязанности с родителей» наоборот, одна из основных задач яслей состоит в том, чтобы «воспитать у родителей обязанности к своим детям, чувство ответственности за их состояние» [Файвусиович, 1929. С. 30–305].

Если, очевидно, должны были освобождать свободное время для учебы и работы матери на производстве. Однако не менее важной представлялась задача вовлечения матери в общественную работу и воспитания ее в качестве воспитательницы своего ребенка, которая обладала бы необходимыми знаниями и умениями. По

мнению Файвусиович, ясли должны «воспитать у родителей уважение к личности ребенка» [Файвусиович, 1929. С. 282].

Подобные утверждения можно найти и в уже упоминавшейся работе Конюс. Более того, согласно Конюс, ясли представлялись одним из рычагов, с помощью которых возможно развитие самих женщин: «Чем регулярнее и более продолжительное время мать пользуется яслями, тем глубже воспитывающее действие яслей на нее» [Конюс, 1928. С. 23]. В данном случае, под «воспитывающим действием» скорее всего надо понимать как приобщение матери к «советскому» взгляду на мир, так и к «культуре» и «гигиене».

Определенную роль должны были ясли сыграть и в преобразовании быта по новому рациональному принципу. Так, Конюс, например, приводит в своей книге рассказ об реорганизации яслей при клубе железнодорожного транспорта в Москве. Ясли работали с 5 утра до 10 вечера. При этом она пишет, что многие матери хотели, чтобы ясли были открыты позднее, чем 10 часов, но вынуждены были считаться с возражениями врача, который в связи с этим поднял вопрос «о нерациональном использовании в рабочих районах вечернего и ночного времени». В результате этого члены кружка оздоровления быта повели агитацию «за окончание всей клубной работы не позднее 10 часов вечера» [Конюс, 1928. С. 43]. Таким образом, изменение практик материнства в этой книге оказывается непосредственно связанным с преобразованием ценностей и образа жизни значительной группы населения, а не только матерей.

После начала ускоренной индустриализации, в начале 1930-х годов, дошкольные учреждения продолжали быть представленными в советских публикациях в качестве одного из важнейших институтов социализации детей и источника просвещения для всех, кто, так или иначе, связан с их работой. Например, журнал «Общественница» в 1936 году привел мнение бывшей крестьянки, для которой работа няней в детском саду привела к серьезному повышению ее «культурного уровня»: «Я работаю в образцовом детском саду уборщицей. Поступила я сначала сторожем-истопником. Когда перевели уборщицей, мне было сначала очень трудно как я приехала из деревни, раньше ничего не знала и не видела. Особенно не знала, как обращаться с детьми, их одевать, как подавать обед» [Общественница, 1936. С. 8]¹. Таким образом, несмотря на переход к массовому включению женщин в общественное производство и острой нехватки яслей и квалифицированного персонала, а также

¹ Необходимо напомнить, что до конца 1940-х годов количество яслей и детских садов было явно недостаточно, а основным субъектом ухода за детьми, как и раньше, оставались бабушки, матери, другие родственницы, а также домработницы.

отказа от многих принципов педологии и социальной гигиены [Issouпова, 2000; Эткинд, 1993] дошкольные детские учреждения продолжали играть заметную роль в дискурсе культурности.

Сознательное или естественное материнство?

Все рассмотренные дискурсы, однако, не должны заслонять от нас еще один аспект советизации материнства, а именно сохранение уверенности в естественном желании женщины быть матерями. Прежде всего, важно указать на особое выделение естественности желания быть матерью как формы определенной женской самореализации и счастья¹. Эти взгляды некоторым образом подтверждались сохранившимся высоким уровнем рождаемости в России того времени. В период первой мировой войны и революции она снова довольно быстро вернулась к предвоенному уровню, дети составляли более чем треть населения России [Жиромская, 2001. С. 15–18; Миронов, 1999. С. 352]. Государственная забота о женщинах или призывы к широкому участию женщин в общественной жизни и работе вне дома практически не ставили под сомнение желание женщин быть матерями. Напротив, предполагалось, что именно при поддержке государства женщина могла, наконец, в полной мере реализовать свое материнство.

Например, героиня одного из рассказов Коллонтай, опубликованных в книге «Любовь пчел трудовых», удивляется, когда подруга, узнавшая о том, что муж героини ушел к другой женщине, предлагает ей сделать аборт, так как ребенка трудно растить одной: «Зачем одна? Организация вырастит. В ясли устроим» [Коллонтай, 1924. С. 303]. Другой пример совмещения представлений о материнстве и «женском счастье» можно найти в работе Софьи Смидович, одной из лидеров отдела ЦК по работе среди женщин в после революционные годы «тов. Кочетовская сама на себе испытала, что значит подбросить ребенка. К счастью, ей удалось потом разыскать его и вернуть обратно» [Смидович, 1927. С. 21].

К началу 1930-х годов, когда происходило укрепление централизованной власти и когда разворачивалась усиленная индустриализация, приведшая к массовому вовлечению женщины в работу на производстве, публикации о сознательном материнстве и евгенический дух, настаивающий на приоритетах здорового потомства над приоритетами многочисленного потомства [Рахманов, 1926. С. 3; Плетнева, 1927. С. 11; Конюс, 1928. С. 20], оказался практически вытесненным со страниц популярных и профессиональных публика-

¹ О дискуссии по поводу женской природы и сексуальности в 1920-е см. также [Градскова, 2002].

ций. Утверждения об изобилии и вновь, но в ином контексте, о счастье материнства, заполнили страницы газет и журналов. Изобилие и желание социалистического государства заботиться о матерях на этот раз превозносилось в контексте более жесткого контроля государства за получателем «помощи» [Goldman, 1993. P. 317–327]. Многие публикации о материнстве уделяют особое внимание «материнскому инстинкту» (при этом упоминания о «тяжести материнства», характерные для 1920-х годов, практически больше не встречаются), который сам по себе может гарантировать любовь и эмоциональную поддержку ребенка. Надежда Константиновна Крупская, например, писала о том, что «женщина – настоящая или будущая мать. В ней сильны материнские инстинкты. Эти материнские инстинкты – тоже великая сила, они дают матери великую радость. Мать – естественная воспитательница» [Крупская, 1938. С. 147].

Дискурс материнства как естественного предназначения женщины также оказался важным для публикаций, оправдывающих введение запрета на аборт. Например, врач Лурье, писал в 1938 году в журнале «Гигиена и здоровье»: «мы наблюдаем в нашей стране резкое снижение аборт и исключительное повышение рождаемости, что несомненно способствует укреплению здоровья женщин, так как нормальная беременность и деторождение вызывают расцвет женского организма» [Лурье, 1938. С. 7]. Таким образом, уже не столько профилактические осмотры и соблюдение необходимой частоты родов, сколько просто «естественные» процессы беременности и родов являлись гарантией женского здоровья в этой интерпретации.

А как же отец?

Советы матерям чаще всего касались гигиенического ухода за собственным телом во время беременности и за ребенком и не включали рекомендации по развитию и воспитанию ребенка, а также за редким исключением, не сопровождалась публикациями про предохранение от беременности, сексуальных и семейных отношениях. В большинстве случаев, как это например на фотографии из журнала «Делегатка» 1924 года, материнство практически никак не было связано с отцовством¹. Женщина вынашивала и рожала ребенка, кормила его грудью и, как уже говорилось, рассматривалась как «естественная воспитательница». Немногие публикации посвя-

¹ Под рубрикой «Новый быт» журнал «Делегатка» опубликовал фотографию, на которой за столом изображена мать с двумя грудными детьми, завернутыми в одеяло, девочка постарше и подросток. Подпись под фотографией гласит: «Работница фабрики им. Звонкова, тов. Резчикова – ленинка, со своей семьей – сын Сережа, комсомолец, дочка – пионерка и близнецы – Июль и Клара – надо полагать, тоже будущие революционеры» [Делегатка, 1924. С. 8].

ценные проблеме отцовства были связаны с выплатой алиментов. В этом случае, роль отца описывалась в соответствии с нормами, которые можно было бы назвать традиционно-патриархальными – отец представлялся в роли кормильца, призванного в первую очередь заботиться об экономическом благополучии жены и детей, в то время как его влияние на воспитание детей и уход за ребенком оказывался незначительным.

Тем неожиданно казалось бы должно было быть появление в 1928 году книги, написанной известным детским врачом Николаем Альтгаузен¹, которая называлась «Отец и ребенок». Книга следует дискурсу сознательного материнства и предназначена для «грамотного», «сознательного» и «ответственного» отца [Альтгаузен, 1928. С. 3, 12, 18]. По мнению автора книги, брак должен создать «новое поколение, здоровое и могущее продолжать правильное строительство жизни» [Альтгаузен, 1928. С. 11], поэтому ответственный отец прежде всего должен заботиться о хорошем здоровье ребенка (здесь очевидно влияние евристического дискурса), особенно в том, что касается наличия венерических заболеваний. Кроме того, грамотный отец должен взять на себя заботу о выработке графика рождений детей – один ребенок не чаще, чем в 2,5–3 года [Альтгаузен, 1928. С. 19].

Автор напоминает, что «во время беременности женщина не должна страдать от недоедания и недосыпания, не должна подвергаться обидам и побоям со стороны мужа» [Альтгаузен, 1928. С. 22]. Пожалуй, наиболее новаторскими (возможно, для некоторой части российского населения, как мужчин так и женщин, до сих пор) являются утверждения Альтгаузеном активного участия отца в уходе за ребенком. Хороший отец должен был помогать матери переодевать ребенка, особенно ночью, мыть его и гулять с ним. Однако в отличие от матери, обязанной заботиться о ребенке, отец должен делать это лишь по мере своих возможностей: «Мы уже говорили о ночном уходе и ванне, тут следует добавить: пусть отец пойдет с ребенком гулять – пусть найдет для этого время в праздник, вечером после работы, пусть стирает белье, пусть выбьет на воздухе постель, пусть поищет, где купить игрушку, рекомендованную врачом в консультации, пусть почитает матери, когда она что-нибудь делает для ребенка, книгу по воспитанию ребенка или газету, или другое что-нибудь, чем мать интересуется» [Альтгаузен, 1928. С. 38].

¹ Николай Альтгаузен проводил беседы о материнстве с девушками в консультации для женщин и детей Государственного научного института охраны материнства и младенчества в 1920-е годы. Он являлся сторонником преподавания молодым девушкам основ охраны материнства, вновь ссылаясь при этом на опыт Америки и Западной Европы [Альтгаузен, Лурье и Мелентьева, 1929. С. 5].

Кроме того, книга призывает отцов «быть активным помощником учреждений охраны материнства и младенчества, а не только пассивно пользоваться тем, что ему дают учреждения» [Альтгаузен, 1928. С. 37].

Однако роль отца, по мысли Альтгаузена, не сводится к усилиям по контролю за отсутствием венерических заболеваний и помощи в уходе. Главная роль просвещенного отца заключается в другом – в семье именно он осуществляет цивилизаторскую и модернизаторскую функцию. В силу своей большей грамотности (образование мужчин в предреволюционной России было выше, чем у женщин) и преданности делу революции, именно он должен просвещать «темную» женщину. Именно отец рассматривался автором книги как главная поддержка усилий государства направленных на рационализацию быта, культурное воспитание будущего «человека и гражданина» [Альтгаузен, 1928. С. 33] и контроль за сексуальностью (включая воздержание в последние месяцы беременности). Отец может «облегчить жене посещение школ для матерей» и освободить женщину на эти часы от домашнего труда [Альтгаузен, 1928. С. 23]. Отец призван «рационально воспитывать ребенка по указанию науки, следить за тем, чтобы мать рационально воспитывала», самому заниматься с ребенком (когда мать уходит), но «более рационально» [Альтгаузен, 1928. С. 23, 28, 33, 39]. Таким образом, можно предположить, что автор был уверен, что мать в меньшей степени способна воспитывать ребенка рационально, возможно, в силу своей женской природы и некультурности.

Несмотря на то, что книг, посвященных отцовству в рассматриваемый период времени практически не издавалась, это книга, как можно предположить, не стала событием и, насколько я смогла установить, никогда не переиздавалась. Несмотря на сталинскую политику укрепления семьи с традиционным распределением ролей в середине 1930-х годов, которую иногда называют «второй революцией» в гендерных отношениях в Советской России, мне не удалось найти сколько-нибудь существенных публикаций, рассматривавших роль отца в воспитании именно грудного ребенка в этот период времени. Наиболее известные работы Антона Макаренко, уделявшие больше внимание роли обоих родителей в воспитании детей, почти не упоминают уход за детьми раннего возраста [Макаренко, 1937. С. 13].

Некоторые выводы

На основе рассмотренного материала можно заключить, что репрезентации практик материнства в десятилетия после революции существовали на пересечении дискурсов заботы о матерях и детях,

гигиены и культурности. Матери, медицинские и советские работницы и активистки женских организаций должны были рассматривать медицинские знания как важнейший компонент культурности, в то время как роль новых учреждений по охране материнства и младенчества должна была способствовать росту культурного уровня матерей и их окружения. В контексте практик материнства, таким образом, «культурное» часто означало «гигиеническое» и, наоборот, в то время, и то и другое преподносились как важнейших элемент «советской заботы о матерях и детях».

Рассмотрев репрезентации яслей в качестве примера совместной артикуляции дискурсов, можно прийти к выводу, что ясли, задуманные как помощь женщине-матери, одновременно играли определенную роль в новых дисциплинарных практиках. Эти практики в свою очередь, следуя Наталье Козловой, можно было бы назвать советским вариантом модернизма [Козлова, 1999. С. 136], Изменение контекста материнства в начале 1930-х годов привело к определенным изменениям в дискурсивном поле, например, к снижению роли представлений о «сознательном материнстве». Однако дискурсы гигиены, культурности и заботы продолжали играть важную роль в конструировании материнства на протяжении последующих десятилетий.

В то же время стремление к «новым современным» (советским) практикам материнства не исключало патриархального взгляда на женщину, как «естественную» мать, утверждая, что дети являются главной основой женского счастья. Таким образом, политики модернизации материнства представляли женщину в качестве «природного» объекта этих политик. В то же время, мужчины-отцы, даже в тех немногих случаях, когда они были представлены в таком качестве (например, в публикации Альтгаузена), должны были подтверждать нормативность «мужественности», осуществляя «помощь» и «рациональное руководство» в семье.

Список источников

Альтгаузен Н. Ф. Отец и ребенок. М.: Государственное медицинское издательство, 1928.

Альтгаузен Н. Ф., Лурье А. Ю., Мелентьева Е. П. Беседы с девушками о материнстве и младенчестве. М.: Государственное медицинское издательство, 1929.

Градскова Ю. Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х гг. // Женщины в истории, возможность быть увиденными / Под ред. И. Чикаловой. Минск: БГПУ, 2002. С. 251–261.

Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Нужда и

порядок – История социальной работы в России, XX век / Под ред. П. Романова и Е. Ярская-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 298–313.

Делегатка. 1923. № 3.

Дулицкий С. О. Учреждения охраны материнства и младенчества // Делегатка. 1923. № 3. С. 27–28.

Жиромская В. Демографическая история России в 1930е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001.

Иванова-Микулина Н. Оплодотворение и наследственность // Женский журнал. 1927. № 1. С. 8.

Книга матери (Как вырастить здорового и крепкого ребенка и сохранить свое здоровье). М.: Издание отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава, 1926.

Козлова Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ, 1999.

Коллонтай А. Общество и материнство. Петроград: б\и, 1916.

Коллонтай А. Крест материнства // Коммунистка. 1921. № 8–9. С. 22–29.

Коллонтай А. Любовь пчел трудовых. Москва-Петербург: Государственное издательство, 1924.

Коннос Э. М. Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала / Под ред. В. П. Лебедева. М.: ОММ МКЗ, 1928.

Крупская Н. К. Крепкая советская семья // Женщина страны советов – равноправный гражданин. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. С. 141–147.

Лебедева В. Задачи и пути охраны материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1926. № 1. С. 1.

Лебина Н. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность – контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Макаренко А. Книга для родителей. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1937.

Лурье П. Необходимо изжить аборт // Гигиена и здоровье. 1938. № 4. С. 7.

Миронов Б. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999.

Михель Д. В недрах социальной гигиены: социальная работа в России на рубеже XIX – XX веков // Нужда и порядок – История социальной работы в России, XX век / Под ред. П. Романова и Е. Ярская-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 146–158.

Новикова Е. Ч. Забота партии о женщине-матери // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. Доступно по адресу: http://www.a-z.ru/women9/texts/s_173r-e.htm (27.06.2006).

Общественница. 1936. № 3.

Покровская М. Вопрос расовой гигиены // Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы / Под ред. С. Айвазовой. М.: РИК-Русанова, 1998. С. 386–390.

Плетнева Т. Беседы с читательницами о материнстве // Женский журнал. 1927. № 6. С. 11.

Рахманов А. Н. Консультации для беременных и родильниц как основа охраны материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1926. № 1. С. 2.

Рахманов А. Н. На пути к сознательному материнству // Охрана материнства и младенчества. 1926. № 3. С. 3–7.

Рэнсел Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Белоруси конца XIX – начала XX века // Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 74–89.

Семашко Н. А. Об алиментной эпидемии, или На алименты надеяться, а сама не плошай. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.

Смидович С. Работница и новый быт. М.: Госиздат, 1927.

Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945 // Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003.

СССР в цифрах, 1967. М.: Статистика, 1968.

Стина И. А. Башкирка. М.: Отдел охраны материнства и младенчества, 1928.

Файвусиович А. Ф. Методы и содержание работы с детьми ясельного возраста. М.: Государственное медицинское издательство, 1929.

Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12. С. 120–138.

Щепкина Е. Н. Труд и здоровье крестьянки // Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы / Под ред. С. Айвазовой. М.: РИК-Русанова, 1998. С. 233–238.

Эткинд А. Россия: эрос невозможного: история психоанализа в России. М.: Медуза, 1993.

Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Терра, 1996.

Armstrong D. The rise of surveillance medicine // *Sociology of health and illness*. 1995. Vol. 17. № 3. P. 394–404.

Bernstein F. Envisioning Health in Revolutionary Russia: the Politics of Gender in Sexual-Enlightenment posters of 1920s. // *Russian review*. April 1998. P. 191–217.

Chatterjee Ch. Soviet Heroines and the Language of Modernity // In *Women in the Stalin Era* / Ed. by M. Ilic. New York: Palgrave, 2001. P. 49–69.

Engel B. A. Women in Russia 1700–2000. Cambridge: Cambridge University press, 2004.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York and Oxford: Oxford University Press, 1999.

Folguera P. Vida cotidiana en Madrid, primer tercio del siglo a traves de las fuentes orales. Madrid: Comunidad de Madrid, 1987.

Goldman W. Women, the state and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Hall S. Representation – Cultural representations and Signifying Practices. London: SAGE, 1997.

Hoffman D. L. Mothers in the Motherland: Stalinist pronatalism in its pan-European context // *Journal of social history*. 2000. № 1. P. 35–54.

Issoupova O. From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia // *Gender, State and society in Soviet and Post-Soviet Russia* // Ed. by Sara Ashwin. London and New York: Routledge, 2000. P. 30–55.

Kelly S. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Kiaer C. Delivered from Capitalism: Nostalgia, Alienation, and the Future of Reproduction in Tretiakov's I want a Child // *Everyday life in early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside* / Eds by C. Kiaer and E. Naiman. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2006. P. 183–216.

Kuhlmann C. Gender and Theory in the history of German Social work – Alice Salomon, Herman Nohl and Christian Klumker // *History of social work in Europe 1900–1960* / Eds by S. Hering and B. Waaldijk. Opladen: Leske-Budrich, 2003. P. 95–105.

Phillips L., Jorgensen M. Discourse Analysis: Theory and Method. London: SAGE publication Ltd., 2002.

Ransel D. Village Mothers: Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.

de los Reyes P., Molina I., Mulinari D. Maktens (o)lika förklädnader – kön, klass och etnicitet i det postkoloniala Sverige. Stockholm: Atlas, 2003.

Sachsse C. Social mothers: the Bourgeois Women's Movement and German Welfare-State Formation, 1890–1929 // *Mothers of a new world – maternalist politics and the origins of welfare states* / Eds by S. Koven and S. Michel. New York and London: Routledge, 1993. P. 136–158.

Schlesinger R. The Family in the USSR: Documents and Readings / Edited with an Introduction by Rudolf Schlesinger. London: Routledge & Kegan Paul Limited, 1949. P. 269–279.

Waters E. The Modernization of Russian Motherhood // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44. № 1. P. 123–135.